

венной покупки²². Итальянский пример: Иоанн Касиф (в первой половине XI в.) купил участок с оливковыми деревьями у еврея Манаха, сына Моисея из Бари, в Бутерито, в нескольких километрах оттуда, но клирик Ромуальд смог вчинить ему иск, использовав право предпочтения, несмотря на то, что владел лишь виноградником, разбитым на общей пустоши; покупатель же заявил, что готов уступить ему приобретенное имущество, если он возместит стоимость покупки. В ходе дискуссии, происходившей в Бутерито в присутствии знатных лиц, Иоанн Касиф на упрек в несправедливом приобретении земли, сделанный Ромуальдом, ответил: «Во всяком случае, лучше было бы, если бы, купив участок, я стал соседом, чем если бы им стал чужак», — тем самым еще усилив смысл права преимущественной покупки, ибо оно гарантировало стабильность имущества лишь ближайших соседей. Однако таковая обеспечивалась также и сельским общинам²³.

Стабильность сельской общины проявлялась также в административной сфере — в коллективной ответственности за уплату налога: если сельская территория фиксировалась в имперских регистрах как фискальная община, то ее жители приобретали некоторые публичные права. В частности право на защиту в случае опасности; но на них возлагались обязанности, одинаковые для всех сельских общин в империи, из которых самой постоянной, несомненно, являлась уплата налогов и податей, установленных государством. Сумма обложения была общей, а ответственность — коллективной, взнос не дробился по парцеллам, а определялся в целом. Сущность крестьянского коллектива как субъекта права выражалась в совместной передаче имущества отдельным лицам и церковным организациям, в участии общин в выборах игуменов монастырей, под чьей юрисдикцией они находились, и в процветании доменов которых были заинтересованы, ибо те участвовали вместе с ними в уплате государственных налогов²⁴.

В социально-правовой жизни общину представляли, согласно наиболее распространенным в источниках формулам, «люди знатные, богатые, среднего достатка и малосостоятельные». «Архонты», знатные люди, именовавшиеся в документах раннего средневековья «первыми гражданами»²⁵, наследники римских муниципальных курялов, а также «геронты» всегда вызывались в случае конфликта для того, чтобы юридически удостоверить размежевание земельных владений либо статус собственника или владельца соответственно письменному акту или вопреки ему, поскольку являлись, по словам формуляров, «теми, кои ведают», «теми, кто достоин определять», «теми, кто достоин доверия», и считались финансовыми и экономическими гарантами общины перед государством. Они составляли нечто вроде совета сельской общины. В XI в. жители укрепленного бурга Адрамерион, северо-восточнее Перистеры в епархии Лангада в Македонии, отказались внести 72 номисмы в казну, так как эти деньги причитались с земли, обработанной париками метоха афонской Лавры в Перистере, и с части горы; гарантийный акт подписан третью обитателей²⁶.

Коллективизм византийской деревни распространялся и на совместное пользование пастбищами, расположенными в некотором отдалении от нее, — право, которое деревня могла уступать или сдавать в аренду; эти места общинного пользования часто становились предметом чьих-то притязаний, и иногда составлялись целые заговоры нескольких деревень.

²² Actes de Lavra / Ed. P. Lemerle, A. Guillou, N. Svoronos, D. Papachryssanthou. P., 1970. Vol. I. P. 99—100.

²³ De Donato V. Aggiunte al Codice Diplomatico Barese: Pergamene dell'Archivio della Cattadrale // ASP. 1974. 27. P. 210—211.

²⁴ Guillou A. Des collectivités rurales. . P. 321—322.

²⁵ См., например: Guillou A. Régionalisme et indépendance dans l'empire byzantin // Istituto storico italiano per il medioevo (Studi storici, 75—76). Rome, 1969. Индекс на слово «protos».

²⁶ Actes de Lavra. Vol. I. P. 211—213.